

Максим Горький

Литературные заметки

Максим Горький

Литературные заметки

«Public Domain»

1900

Горький М. А.

Литературные заметки / М. А. Горький — «Public Domain», 1900

«„...Жизнь долгая, — будет еще и хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия! Я во всей России был и все в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное...“ Это говорит один из героев нового рассказа Чехова „В овраге“, — это говорит Чехов, сострадательно и бодро улыбаясь читателю. Я не стану излагать содержание его рассказа — это одно из тех его произведений, в которых содержания гораздо больше, чем слов. Чехов как стилист, единственный из художников нашего времени в высокой степени усвоивший искусство писать так, „чтобы словам было тесно, мыслям — просторно“. И если бы я начал последовательно излагать содержание его рассказа, то мое изложение было бы больше по размерам, чем самый рассказ. Это может показаться смешным. Что ж? Правда очень часто кажется смешной. Передавать содержание рассказов Чехова еще и потому нельзя, что все они, как дорогие и тонкие кружева, требуют осторожного обращения с собою и не выносят прикосновения грубых рук, которые могут только смять их...»

© Горький М. А., 1900

© Public Domain, 1900

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Максим Горький

Литературные заметки

По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге»

«...Жизнь долгая, – будет еще и хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия! Я во всей России был и все в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное...»

Это говорит один из героев нового рассказа Чехова «В овраге», – это говорит Чехов, сострадательно и бодро улыбаясь читателю. Я не стану излагать содержание его рассказа – это одно из тех его произведений, в которых содержания гораздо больше, чем слов. Чехов как стилист, единственный из художников нашего времени в высокой степени усвоивший искусство писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям – просторно». И если бы я начал последовательно излагать содержание его рассказа, то мое изложение было бы больше по размерам, чем самый рассказ. Это может показаться смешным. Что ж? Правда очень часто кажется смешной. Передавать содержание рассказов Чехова еще и потому нельзя, что все они, как дорогие и тонкие кружева, требуют осторожного обращения с собою и не выносят прикосновения грубых рук, которые могут только смять их...

В новом рассказе Чехова героями являются: деревенский лавочник, грабитель и мошенник; его сын, агент сыскной полиции; другой сын, глухой и глупый; жена лавочника, добрая баба; его снохи – одна хорошая, другая дурная; старый плотник Костыль, человек мудрый и милый, как малое дитя.

– Кто трудится, кто терпит, тот и старше... – наивно говорит этот плотник.

Все эти люди, хорошие и дурные, живут в рассказе Чехова именно так, как они живут в действительности. В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности.

Страшная сила его таланта именно в том, что он *никогда ничего не выдумывает от себя*, не изображает того, «чего нет на свете», но что быть может и хорошо, может быть и желательно. Он никогда не прикрашивает людей, и те, кто его не любят, – такие, впрочем, совсем уже вымирают, – не любят его именно за это, хотя и объясняют свою неприязнь иначе. Они, в сущности, просто чувствуют себя обиженными, когда видят свое отражение в этом удивительном огромном зеркале – сердце автора. Им становится стыдно за себя, и они немножко злятся. Это можно простить им – всякий современный человек нуждается в подрисовке не меньше любой старой кокетки. Он ведь страшно много прожил сердца на обожание профессора Серебрякова, в книгах которого, как дядя Ваня, двадцать пять лет видел руководство к жизни, а жизнь проморгал. Чехов очень много написал маленьких комедий о людях, проглядевших жизнь, и этим нажил себе множество неприятелей.

Еще со времен «Скучной истории» начали говорить о Чехове: «Да, конечно, это талант крупный, но...» и, подражая Сент-Беву¹, старались превратить похвалу в гнездо ос. А Чехов слушал – впрочем, вероятнее, не слушал – и писал. В самом начале трудной литературной карьеры Чехова один из наших критиков, наиболее бездарный и тем отличающийся от других, менее бездарных, пророчил о нем как о человеке, который сопьется и умрет под забором². Критик этот жив до сего дня и... я не хотел бы быть на его месте, если он не забывает

---

¹ Сент-Бев. Шарль Огюстен (1804–1869) – французский критик и поэт, автор знаменитых литературных портретов, часто сочетавших похвалы с суровой критикой.

² Имеется в виду А. М. Скабичевский, который в рецензии на «Пестрые рассказы» Чехова писал о гибели таланта в

того, что пишет. Критик этот умрет, и тогда о нем вспомнят, немножко напишут о нем и снова забудут его. А когда умрет Чехов – умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, – друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.